

УДК 347.23

doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.146-155

Д.И. МЕЙЕР О СУЩНОСТИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ЕГО СОСТАВНЫХ ЧАСТЯХ

З.А. Ахметьянова, О.Н. Низамиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются воззрения Д.И. Мейера на право собственности, являющееся важнейшим для гражданского оборота в целом имущественным правом, а также традиционно составляющие его содержание правомочия владения, пользования и распоряжения. Приводится точка зрения ученого на отсутствие необходимости выделения права охранения собственности в качестве четвертой составляющей, поскольку право на защиту входит в состав самого понятия о праве.

В работе описаны выделяемые ученым для характеристики права собственности как отношения лица к вещи такие признаки, как законное господство, свойство полноты, мера свободы (ограниченность). Рассматриваются также особенности ограничения права собственности. В данной связи Д.И. Мейер приходит к выводу, что ограничение может касаться как субъективного права собственности в целом, так и каждой из составных его частей – владения, пользования и распоряжения.

Кроме того, дана оценка позиции Д.И. Мейера с точки зрения действующего российского законодательства о праве собственности.

Ключевые слова: право собственности, содержание права собственности, право владения, право пользования, право распоряжения, ограничения права собственности

Категория права собственности относится к числу фундаментальных категорий права. Многие концептуальные положения современной отечественной цивилистики в данной сфере берут свое начало в трудах мыслителей XIX в. Крупнейшим ученым-цивилистом XIX в., в сферу научных интересов которого входила и вещно-правовая проблематика, являлся профессор Казанского и Санкт-Петербургского университетов Дмитрий Иванович Мейер. По его признанию, «в области юридических отношений право собственности является необходимостью и в гражданском праве занимает первое место» [1, с. 325]. Оно «заслуживает внимательного изучения, потому что может заменить собой другие имущественные права, тогда как само право собственности вполне заменить другими имущественными права невозможно» [1, с. 326].

Обращение к научному наследию Д.И. Мейера представляет несомненный интерес для современных исследователей: «У Мейера не встречается фактических ошибок в изложении норм права или теоретических учений о нем. С его

взглядами не всегда можно соглашаться, но с ними всегда нужно считаться ввиду их серьезности и глубокой продуманности» [2, с. 239].

Д.И. Мейер был сторонником трактовки права собственности как отношения лица к вещи, закрепляющего его господство над вещью, в противовес другому направлению, рассматривавшему право собственности как отношение между лицами [3, с. 27–33]. Следует признать, что данная теория имеет своих сторонников и в настоящий период. Так, в современной цивилистической доктрине весьма распространена позиция о признании любого вещного права как отношения субъекта к вещи, юридически закрепляющего его господство над вещью (юридическая связь субъекта с вещью, господство над ней). И наиболее полно это проявляется именно в отношении такого вещного права, как право собственности [4, с. 112].

Однако определение права собственности как господства лица над вещью представлялось Д.И. Мейеру лишь самой общей характеристикой, не отражающей всех сущностных черт данного явления. В связи с данным обстоятельством цивилист предложил собственную систему признаков, характеризующих именно право собственности.

Прежде всего ученый обращает внимание на то, что не всякое господство над вещью есть право собственности, ибо «господство может быть и случайным: фактически оно существует, но не признается законным, не признается правом собственности». Потому, и это не вызывает сомнений, «нужно дополнить понятие о праве собственности, путем указания, что оно есть господство законное» [1, с. 326]. Вместе с тем наличие какого-либо вещно-правового титула (законного права на вещь) не позволяет провести отграничение права собственности от других вещных прав. Отсюда вытекает следующий признак права собственности, выделенный Д.И. Мейером.

Сравнение права собственности со всяким другим вещным правом приводит ученого к выводу о том, что право собственности полнее и шире: «По самому существу своему право собственности выигрывает перед другими вещными правами, и эта наибольшая полнота его должна быть внесена в само понятие о праве собственности» [1, с. 326]. В современной науке гражданского права свойство полноты права собственности обосновывается его абсолютным характером, исключительным и всеобъемлющим господством собственника над своим имуществом, широким набором его правомочий, возможностью собственника действовать по своему усмотрению и в своем интересе и независимо от воли других лиц, а также другими обстоятельствами [5, с. 67–68; 6, с. 20–21; 7, с. 610; 8, с. 27; 9, с. 121–122].

Вместе с тем трактовка права собственности как безусловного, неограниченного, полного господства лица над вещью, по справедливому замечанию Д.И. Мейера, расходится с действительностью. Любое субъективное право, в том числе и право собственности, имеет свои пределы. Здесь следует обратить внимание на аспект свободы, который выдвигался Д.И. Мейером на первое место в понимании субъективного гражданского права. Суть права, писал ученый, это мера свободы живущего в обществе лица. Именно мера свободы и составляет право человека. Следовательно, задачей гражданского законодательства является определить пределы, которые не может преступать свобода человека. Любое право

«дробимо до бесконечности», следовательно, закон в состоянии определить только пределы свободной деятельности граждан. В противном случае необходимо было бы указывать, что собственник вправе «бросать свою вещь в воздух, вертеть ее, рассматривать и т. п.» [1] (см. также [10, с. 367]). «Право есть понятие о мере, ограничении свободы, так что понятие об ограничении лежит в самом понятии о праве; право собственности есть только вид права, следовательно и на нем должен отразиться, и действительно отражается, характер ограниченности» [1, с. 326].

Ограниченность права собственности виделась Д.И. Мейеру в том, что многие виды осуществления права собственности были бы в то же время нарушением права собственности других лиц. «Кроме того, каждый юридический быт знает много ограничений, не зависящих от нарушения чужого права, так что и без этих ограничений ничье право не было нарушено» [1, с. 327]. И далее, анализируя существовавшие законодательные установления относительно права собственника «исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оным (то есть имуществом. – З.А., О.Н.) вечно и потомственно», цивилист констатировал: «мы на каждом шагу встречаемся с ограничениями собственника относительно пользования собственностью – существует целая система определений о праве участия в чужом имуществе; собственник ограничивается нередко относительно распоряжения вещью, но тем не менее право собственности признается за ним» [1, с. 328].

Нетрудно заметить, что современное российское гражданское законодательство в полной мере отражает отмеченные Д.И. Мейером характеристики. Так, в п. 2 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) указывается на право собственника по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, но не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц. С одной стороны, подчеркивается наибольшая полнота права собственности по сравнению с иными правами на имущество, с другой, его ограниченность как любого иного субъективного права.

Наконец, для определения права собственности, по мнению Д.И. Мейера, требуется указание на его содержание, ибо именно содержание и дает определение предмету. В свою очередь, все возможные действия собственника относительно вещи, как-то: возможность «поставить себя в фактическое отношение к вещи, владеть ею»; возможность подчинить вещь своим потребностям, «пользоваться вещью без прямого разрушения самой вещи»; возможность прекратить само право собственности на вещь таким образом, что «никакое другое лицо не будет господствовать над ней» [1, с. 328], то есть уничтожить вещь, или таким, что господство перейдет к другому лицу, согласно Д.И. Мейеру, могут быть сведены к владению, пользованию и распоряжению.

Однако, если традиционно возможности собственника сводятся к совокупности права владения, права пользования и права распоряжения, иногда в качестве элемента содержания права собственности в дореволюционной цивилистической доктрине называлось еще «четвертое право в смысле составной части права собственности – право охранения собственности» [1, с. 329]. Соответственно, Д.И. Мейер, размышляя о содержании права собственности, задавался

вопросом относительно включения в это содержание такого элемента. В этой связи ученый писал: «Собственник действительно может отыскивать свою вещь, в чьих бы руках она не находилась; но право судебной защиты не составляет какого-либо особенного права, составной части права собственности: право судебной защиты сопутствует всякому праву, входит в состав самого понятия о праве – право без права судебной защиты – не право» [1, с. 329]. И с этим аргументом трудно не согласиться.

Современная теория права в содержании любого субъективного права, наряду с правомочием на свои собственные действия и правомочием требования, признает существование правомочия на защиту. Потому правомочие на защиту не является специфичным содержанием именно права собственности.

Как всякое субъективное право, право собственности предоставляет своему обладателю возможность: 1) действовать самому (то есть непосредственно оказывать воздействие на вещь); 2) требовать соответствующего поведения от других, обязанных лиц (не мешать собственнику, не препятствовать ему в осуществлении правомочий); 3) прибегнуть к мерам государственного принуждения в случае нарушения кем-либо принадлежащего ему права собственности (право на защиту). Именно третья составляющая возможностей собственника и охватывается названным выше «правом охранения собственности». Но, несмотря на то что собственник действительно может отыскивать свою вещь, в чьих бы руках она не находилась, согласимся с Д.И. Мейером в том, что «право судебной защиты не составляет какого-либо особенного права, составной части права собственности», ибо «право судебной защиты сопутствует всякому праву, входит в состав самого понятия о праве» [1, с. 329].

С учетом признания составными частями права собственности права владения, права пользования и права распоряжения, резюмируя вышеозначенные признаки права собственности, Д.И. Мейер предложил следующую дефиницию: «Право собственности есть законное господство лица над вещью, в силу которого лицо может ею владеть, пользоваться и распоряжаться» [1, с. 327].

Правомочие владения традиционно называется в составе права собственности. Оно представляет собой фактическое обладание, господство лица над вещью, основанную на законе возможность иметь вещь у себя в хозяйстве. Однако относительно правовой природы данного явления в цивилистической науке единства мнений нет. Владение рассматривается и как факт (фактическое владение), и как самостоятельное право (юридическое владение), и как составной элемент содержания права собственности, по сути, охватывающий владение и как факт, и как право.

Основные сложившиеся в цивилистической науке теории владения получили названия субъективной и объективной. Субъективная теория владения связана прежде всего с именем Ф.К. фон Савиньи, который рассматривал владение как факт, как фактическое отношение лица к вещи [11]. При этом основной акцент делается на том, что понятием о защите не исчерпывается понятие о праве, что охраняется только факт. Как факт рассматривал владение и Д.И. Мейер.

Объективная теория, наиболее полно представленная в трудах Р. фон Иеринга [12], напротив, стоит на том, что владение есть право, при этом охраняется как фактическое отношение лица к вещи, так и право владения.

И если Иеринг оценивал владение как вероятное право собственности, то Д.И. Мейер писал о том, что «владение-право составляет часть права собственности. Владение-право указывает на понятие о владении-факте, и так как факт этот при известных условиях связывается с юридическими последствиями, то, говоря о факте, следует изложить и его юридическое значение» [1, с. 330]; «для того, чтобы фактическое отношение обратилось в право, нужно, чтобы владение охранялось не только от насилия и самоуправства, а от всякого притязания на вещь» [1, с. 332].

По мнению Д.И. Мейера, «юридическое владение складывается из двух деятелей: материального, или внешнего, и духовного, или внутреннего. Внешний деятель состоит в материальной связи лица с вещью... Внутренний, духовный деятель владения состоит в осознании господства над вещью, в намерении лица распоряжаться ею как своей» [1, с. 333–334].

Таким образом, Д.И. Мейер, разделяя взгляд на владение как на фактическое состояние, фактическое отношение лица к вещи, не отрицает связанные с ним юридические последствия.

Именно с целью определения возможных юридических последствий еще римские юристы различали виды владения – титульное (законное) и беститульное (незаконное), которое, в свою очередь, разграничивалось на добросовестное и недобросовестное. Д.И. Мейер, наряду с указанными видами владения, называет еще и владение давностное, которое влечет за собой приобретение права собственности по давности. Недобросовестное же владение, по мнению ученого, может быть самовольным, насильственным или подложным (СЗ РИ, ст. 252–528). Самовольное владение он рассматривал как владение, не основанное на праве, нарушающее притом право другого лица, но без насилия; насильственное владение – как самовольное, но соединенное с применением насильственных мер; подложное – с употреблением подлога для приобретения или продолжения владения. В то же время Д.И. Мейер отмечал, что юридические последствия незаконного владения во всех случаях одинаковы [1, с. 333].

По его замечанию, «владение как составная часть права собственности... состоит в материальном отношении лица к вещи, но с той разницей, что это материальное отношение представляет собой осуществление права собственности» [1, с. 340]. Владение есть «как бы вестник права собственности, и большей частью посредством владения собственник получает тот вес, который дает ему право собственности» [1, с. 341].

Действующее российское законодательство ограничивается указанием на владение в статье о содержании права собственности (п. 1 ст. 209 ГК РФ). Виды владения упоминаются в нормах, направленных на защиту права собственности, в частности, при истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301–303 ГК РФ). Вопросы же фактического владения и его защиты в российском законодательстве не урегулированы¹.

Как правомочие в составе права собственности владение носит служебный характер, значение которого состоит в том, что правомочие владения дает субъекту права возможность защищать свое обладание этой вещью [6, с. 72].

¹ Заметим, что соответствующие нормы о фактическом владении и его защите предлагается включить в ГК РФ в рамках реформы гражданского законодательства (см. КРГЗ, ПФЗ).

Для собственника владение получает значение преимущественно через пользование. Более того, Д.И. Мейер полагает, что право пользования – это «самая существенная составная часть права собственности» [1, с. 342].

Правомочие пользования позволят собственнику использовать вещь, потреблять ее, извлекать из нее какие-либо полезные свойства. При этом законом, договором или иным правовым основанием могут определяться границы правомочия пользования. Так, в частности, запрещается злоупотребление правом, не допускается осуществление гражданских прав (в том числе права пользования) исключительно с намерением причинить вред другому лицу (ст. 10 ГК РФ).

Следует также заметить, что, по словам Д.И. Мейера, «не каждое употребление вещи для удовлетворения ею потребностей входит в содержание права пользования: иное употребление вещи таково, что она уничтожается; но уничтожение вещи, по нашему определению, составляет содержание распоряжения, а не права пользования, поэтому только те способы удовлетворения потребностей вещь, которые не соединяются с ее уничтожением, входят в состав права пользования» [1, с. 343].

Как и владение, законное пользование может быть защищено от нарушений различными правовыми средствами. В соответствии со ст. 304 ГК РФ собственник вправе требовать устранения всяких нарушений права, хотя бы эти права и не были связаны с лишением владения.

Другая составная часть права собственности – право распоряжения, по разумению Д.И. Мейера, «заключается в праве прекращения и разъединения права собственности, разъединения навсегда или на известное время. Следовательно, по праву распоряжения, собственник может уничтожить вещь, подвергнуть ее отчуждению, заключить относительно ее ту или иную сделку и т. д. Право распоряжения составляет поэтому как бы венец права собственности: в распоряжении представляется наибольшее напряжение права собственности – напряжение, которое может стоить жизни самому праву собственности, и, конечно, право, предоставляющее лицу возможность уничтожить вещь, сильнее того права, по которому лицо может лишь подчинить вещь своему фактическому господству или употреблять ее на удовлетворение своих потребностей» [1, с. 344]. Именно правомочие распоряжения позволяет собственнику вещи определять ее юридическую судьбу, совершать в отношении нее различного рода сделки, тем самым включая вещь в имущественный оборот.

Будучи самым действенным из всех правомочий в составе вещного права, право распоряжения позволяет собственнику сохранять вещь у себя и самостоятельно осуществлять правомочия владения и пользования, передавать вещь во владение и пользование другому лицу или иным образом распоряжаться судьбой вещи.

Все рассмотренные выше составные части права собственности между собой взаимосвязаны и в определенной мере взаимообусловлены.

Право собственности, являясь по своему содержанию самым широким вещным правом, имеет признаки, которые характеризуют традиционные правомочия владения, пользования и распоряжения именно как правомочия собственника, отличая данное субъективное право от всех иных, ограниченных вещных прав. Так, только собственник вещи осуществляет названные правомочия по своему

усмотрению, может совершать в отношении вещи любые действия, не противоречащие закону и не нарушающие права и интересы других лиц. Мера возможного поведения собственника в отношении своей вещи является абсолютной и от воли других лиц не зависит. Всех других лиц собственник вправе исключать от возможного воздействия на свою вещь.

Собственник вещи может передать ее другим лицам, в том числе, сохраняя за собой право собственности, наделить правомочиями владения, пользования, а в какой-то мере и распоряжения другое лицо. Однако предоставление (выдел) права распоряжения другому лицу, по мнению Д.И. Мейера, ведет к потере права собственности вообще, ибо «право распоряжения вещью так тесно связано с существом права собственности, что без прекращения его самого выдел права распоряжения неудобомыслим... Нормальное состояние юридического быта то, что право распоряжения остается за собственником, хотя бы у него не было ни владения, ни пользования» [1, с. 345].

Однако, если применительно к праву собственности и говорится о наиболее полном господстве, безграничным оно быть не может. При всём разнообразии возможных ограничений права собственности Д.И. Мейер обозначает их наиболее общие черты.

Во-первых, он отмечает законность таких ограничений, поскольку установлены они не актом самого собственника, а законом. По мнению ученого, если бы такие ограничения устанавливались самим собственником, то такое ограничение следовало бы рассматривать как осуществление права собственности, ибо нельзя говорить об ограничении самого себя.

Во-вторых, право собственности обладает так называемым свойством упругости, поскольку если ограничения права собственности уничтожаются, «то объем права собственности расширится, чего не бывает с другими вещными правами» [1, с. 347].

В-третьих, ограничения права собственности есть его предел, при этом они не составляют права на чужую вещь.

В-четвертых, ограничения права собственности не устанавливают для сторонних лиц права на чужое действие. В результате ограничений собственник либо лишается возможности совершить какое-то действие в отношении своей вещи, либо обязывается допустить то или иное действие относительно своей вещи со стороны другого лица. При этом сам собственник не обязывается совершить какое-либо положительное действие.

В-пятых, все ограничения права собственности правами участия касаются исключительно недвижимых вещей. Причем это справедливо как в соответствии с положениями Свода законов Российской империи (СЗ РИ, ст. 434), так и согласно действующему российскому законодательству (см., к примеру, ст. 274–276, п. 3 ст. 288 ГК РФ; ст. 11.2, 11.8 ЗК РФ и др.).

Рассуждая о возможных ограничениях права собственности, Д.И. Мейер приходит к выводу, что ограничение «может касаться или одной только составной части права собственности, или распространяться и на другие части» [1, с. 354].

Так, ограничением права собственности относительно распоряжения вещи является наложение на нее запрещения или ареста. И если запрещение касается именно распорядительных возможностей, ограничивая собственника вещи в ее

отчуждении, то арест лишает собственника распоряжения, пользования, а иногда и владения вещью. Получается, что «на деле собственник может быть чуждым всякого господства над вещью, составляющей его собственность, хотя все-таки он пребывает и считается собственником, за ним остается, как говорили римские юристы, голое право собственности – *nudum jus domini*» [1, с. 365].

Завершая наши рассуждения относительно взглядов Д.И. Мейера на право собственности, заметим, что положения, воспринятые им из римских источников, наиболее полно представленных в Пандектах Г.Ф. Пухты [16] и затем основательно изложенные в чтениях по русскому гражданскому праву [1] с собственными размышлениями, с систематизацией норм русского права, актуальны и по прошествии многих лет. Объяснение данного факта видится в том, что «строгий юридический ум Мейера в несовершенствах русского права и быта находит лишь подкрепление своим воззрениям и, улавливая в законодательной деятельности мелочи и намеки на прогрессивное развитие права, горячо намечает идеалы этого развития» [2, с. 241].

Источники

- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- КРГЗ – Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=95075&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.010283834348207455#04325773769394694>, свободный.
- ПФЗ – Проект Федерального закона № 47538-6/10 «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=161638#015401933856818073>, свободный.
- ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 2 авг. 2019 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
- СЗ РИ – Свод законов Российской Империи: в 15 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1832. – Т. X, ч. 1. – 754 с.

Литература

1. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. – М.: Статут, 2003. – 831 с.
2. «Русское гражданское право» Д.И. Мейера. – «Учебник гражданского права» проф. Г.Ф. Шершеневича. – «Учебник гражданского права» Е.В. Васьяковского. – «Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа» проф. В.П. Даневского // Русская мысль: Год шестнадцатый. Книга V. – М., 1895. – С. 239–244.
3. *Андреев Ю.Н.* Собственность и право собственности: цивилистические аспекты. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
4. *Ахметьянова З.А.* Вещное право. – М.: Статут, 2011. – 360 с.
5. *Белов В.А.* Очерки вещного права. Научно-poleмические заметки. – М.: Юрайт, 2015. – 332 с.

6. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. / Под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт, 2016. – Т. 2. – 525 с.
7. Гражданское право: в 3 т. / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ Пресс, 2010. – Т. 1. – 1006 с.
8. Гражданское право: в 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. – 496 с.
9. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.
10. Щенникова Л.В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2017. – Вып. 37. – С. 361–372.
11. Savigny F.C. von. Das Recht des Besitzes. Eine zivilistische Abhandlung / Hg. A.F. Rudorff. – Wien: C. Gerolds Sohn, 1865. – 765 S.
12. Ihering R. von. Ueber den Grund des Besitzschutze. – Jena: Hermann Dufft, 1869. – VIII, 224 S.
13. Puchta G.F. Lehrbuch der Pandekten. – Leipzig: J.A. Barth, 1838. – 629 p.

Поступила в редакцию
20.06.19

Ахметьянова Замира Асраровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: zamira9@yandex.ru

Низамиева Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: olganizamieva@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 4, pp. 146–155

---

doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.146-155

D.I. Meyer about the Essence of the Property Right and Its Constituent Parts

Z.A. Akhmetyanova*, *O.N. Nizamieva***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: *zamira9@yandex.ru, **olganizamieva@mail.ru

Received June 20, 2019

Abstract

The paper presents D.I. Meyer's views on ownership, which is considered to be the most important property right for the civil turnover, and on its traditional contents, including powers of possession, use, and disposal. Special attention has been paid to D.I. Meyer's idea that including the right to protect the property in the content of ownership as a fourth component is unnecessary, because it is already

involved in the concept of law itself, and any possible action of the owner regarding the property can be reduced to possession, use, and disposition.

Such characteristics of ownership as legal domination, property of completeness, and measure of freedom (limitation) have been discussed, whereas the right itself has been considered as the relationship of a person to a thing. In addition to the possible manifestations of the component parts of the property rights, possible restriction of powers and restrictions of the property rights in general have been considered. According to D.I. Meyer, limitations can be related both to the subject of ownership and to any part included in it.

Besides the analysis of the thoughts of the leading civil law scholar about the essence of the subjective property rights, his position in terms of the current Russian legislation has been discussed.

Keywords: property right, content of property right, right of ownership, right of use, right of disposal, restrictions of property rights

References

1. Meyer D.I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. (in 2 parts). Moscow, Statut, 2003. 831 p. (In Russian)
2. “Russian Civil Law” by D.I. Meyer – “Textbook of Civil Law” by G.F. Shershenevich – “Textbook of Civil Law” by E.V. Vas’kovskii – “Our Preliminary Investigation, Its Drawbacks and Reform” by Prof. V.P. Danevskii. In: *Russkaya mysl’: God shestnadsyati. Kniga V* [Russian Thought. Year 16th. Book V]. Moscow, 1895, pp. 239–244. (In Russian)
3. Andreev Yu.N. *Sobstvennost’ i pravo sobstvennosti: tsivilisticheskie aspekty* [Property and Right of Ownership: Civilistic Aspects]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2013. 320 p. (In Russian)
4. Akhmet’yanova Z.A. *Veshchnoe pravo* [Property Law]. Moscow, Statut, 2011. 360 p. (In Russian)
5. Belov V.A. *Ocherki veshchnogo prava. Nauchno-polemicheskie zametki* [Essays on Property Law. Scientific and Polemical Notes]. Moscow, Yurait, 2015. 332 p. (In Russian)
6. *Grazhdanskoe pravo. Aktual’nye problemy teorii i praktiki* [Civil Law. Urgent Problems of Theory and Practice]. Belov V.A. (Ed.). Moscow, Yurait, 2016. 525 p. (In Russian)
7. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Sergeev A.P. (Ed.). Moscow, RG Press, 2010. 1006 p. (In Russian)
8. *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 2.: Property law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights. Sukhanov E.A. (Ed.). Moscow, Wolters Kluwer, 2006. 496 p. (In Russian)
9. Sukhanov E.A. *Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel’nyi ocherk* [Property Law: Scientific and Educational Essay]. Moscow, Statut, 2017. 560 p. (In Russian)
10. Shchennikova L.V. The concept of property law in the argumentation of Russian civilists. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*, 2017, no. 37, pp. 361–372. (In Russian)
11. Savigny F.C. von. *Das Recht des Besitzes. Eine zivilistische Abhandlung*. Rudorff A.F. (Hg.). Wien, C. Gerolds Sohn, 1865. 765 S. (In German)
12. Ihering R. von. *Ueber den Grund des Besitzschutze*. Jena, Hermann Dufft, 1869. VIII, 224 S. (In German)
13. Puchta G.F. *Lehrbuch der Pandekten*. Leipzig, J.A. Barth, 1838. 629 p. (In German)

Для цитирования: Ахметьянова З.А., Низамиева О.Н. Д.И. Мейер о сущности права собственности и его составных частях // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 4. – С. 146–155. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.146-155.

For citation: Akhmetyanova Z.A., Nizamieva O.N. D.I. Meyer about the essence of the property right and its constituent parts. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 4, pp. 146–155. doi: 10.26907/2541-7738.2019.4.146-155. (In Russian)